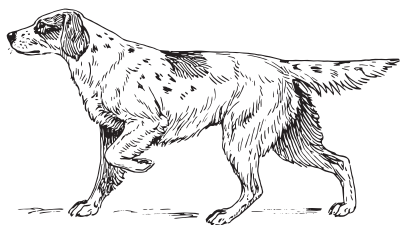

Посвящается
Лорне Маршалл

ВВЕДЕНИЕ

В ЭТОЙ КНИГЕ речь идет о сознании собак. Некоторым людям эта тема может показаться странной по определению. Дело в том, что в прошлом все ученые были убеждены, что мысли и эмоции могут быть только у людей. На самом деле это, конечно, очень далеко от истины. Однако такое представление по-прежнему разделяют многие люди. Это не что иное, как пережиток христианского креационизма (учения о сотворении мира). Здесь следует учитывать тот факт, что люди обладают сознанием, приобретенным в результате длительной эволюции. И поэтому, хотя вопрос о сознании животных является вполне обоснованной областью научных исследований, предположение, что у других живых существ сознание отсутствует, вызывает удивление.

В конце концов, мысли и эмоции имеют эволюционную ценность (в противном случае у нас бы их не было вовсе). Мысль — эффективный, действенный механизм, без которого нам и многим другим животным было бы трудно обойтись. Обладая

интеллектом, то есть способностью учиться и рассуждать, живое существо, такое как человек или собака, может справиться с широким спектром проблем, для решения которых потребовалось бы огромное количество проводов, если бы поведенческое решение каждой проблемы было заранее запрограммировано. Когда мы относим мышление животных к инстинкту, мы упускаем из виду тот факт, что сфера инстинктов — это просто элегантная матрица для формирования интеллекта, безотказный механизм, который направляет каждый вид к формированию мышления. Наши мысли обусловлены нашим воспитанием и образованием, они позволяют нам делать то, что мы делаем, и даже быть такими, какие мы есть.

Если говорить о сознании, то предлагаю вам четыре наблюдения. В первом речь идет о привычках собак, во втором — о собаке, рассматривающей две альтернативы, в третьем — о собаке, придумавшей себе игру, а в четвертом — о собаке, которая переняла человеческие манеры.

Первый случай наблюдался в городке Боулдер, штат Колорадо. Там пятеро собак, живших в одном доме, привыкли есть лежа. Их, конечно, не учили этому, и хозяевам даже в голову не приходило, что другие собаки едят как-то иначе. Почему эти собаки ели лежа? Никто не знал наверняка. Вожак, кобель австралийской овчарки по кличке Райдер, по-видимому, ввел этот обычай для того, чтобы собаки не ссорились во время кормежки. Их хозяева просто ставили во дворе пять мисок с сухим кормом, а что будет дальше, их не волновало. Таким образом, собаки должны были самостоятельно обеспечивать порядок. Быстро выбрав миску, каждая собака ложилась и съедала свой корм. Затем, когда все было съедено, все собаки, как по команде, поднимались и переходили к следующей миске, из которой только что ел сосед. Они дочиста вылизывали миски друг у друга. Создавалось впечатление, что они считают свое поведение совершенно обычным, что приводило людей, наблюдавших эту картину, в изумление.

И все же о причине такого обычая можно догадаться: Райдер был слабее двух других сук с бочкообразными телами и бедрами, как у лошадей-тяжеловозов. Обе они приходили в возбужденное состояние, когда приходило время кормежки. Следовательно, вероятность возникновения ссор между собаками была довольно велика, особенно в те дни, когда задача кормления ложилась

.....

на сына-подростка, у которого на уме были гораздо более интересные вещи. В итоге эти пятеро собак приучились терпеливо ждать. Вот уж миновал полдень, и солнце заметно сдвинулось к закату. Приходит время кормежки, но ничего не происходит. Небо темнеет, но никто так и не пришел. Наконец в округе становится тихо. В домах зажигается свет. Семьи, живущие по соседству, собираются на своих кухнях. Но во дворе среди собак нарастают голод и тревога.

Способствовала ли атмосфера неуверенности формированию такой необычной привычки собак? Могли ли собаки попытаться разрядить потенциально взрывоопасную ситуацию, которая возникает, когда, наконец, сухой корм сыплется в миски? Пять голодных собак ложатся возле мисок вовсе не для удобства или релакса. Они скорее скованны и напряжены. В этот момент они напоминают собак, лежащих по команде дрессировщика. В таком положении они едят быстро и тихо, изредка поглядывая друг на друга краем глаза. Весь процесс еды проходит слаженно, иначе в неминуемой потасовке Райдер не справился бы с двумя крупными и тяжелыми соперницами.

Позднее дочь Райдера по кличке Перл отправили в Новую Англию к двум более старшим собакам в дом, где домашних животных кормили регулярно утром и вечером.

Какое-то время Перл придерживалась своей необычной привычки: она вставала, чтобы поесть утром, и послушно ложилась, чтобы съесть свою вечернюю порцию, как делала это в Боулдере. Однако вскоре она прекратила это делать. Если бы Перл была вожакom, возможно, было бы иначе. Но в своем новом доме она даже не была дочерью вожака. Напротив, ее статус был низким, и две пожилые собаки и не думали подражать ей. И так, через несколько недель Перл начала есть стоя, как и они.

Собака, которая взвешивала альтернативы и принимала решение, тоже была молодой. Каждый день она гуляла со своим хозяином и двумя другими собаками возле реки, где неизменно купалась. Однако в тот день что-то на тропе отвлекло эту молодую сучку от группы, и когда остальные подошли к реке, ее рядом не оказалось. Хозяин развернулся, чтобы идти домой, и уже прошел около двадцати пяти метров по тропе, когда собака, готовая к своему ежедневному заплыву, выскочила из кустов на полпути между ними и рекой. Было слишком поздно — хозяин и другие собаки уходили, а она пропустила свое купание. Остановившись

рядом с тропой, она сначала посмотрела направо вслед своей группе, затем посмотрела налево на реку, потом второй раз посмотрела направо, и еще раз посмотрела на воду. Наша любительница плавания мгновенно приняла решение: рванув что было сил к реке, она влетела в воду, быстро проплыла несколько метров, затем повернула к берегу, выскочила и помчалась за своей группой, не переставая отряхиваться на бегу, пока не догнала их. Практически все собаки отряхиваются, перед тем как присоединиться к своей группе, особенно если другие в группе не плавали; потребность отряхнуться кажется вторичной по сравнению с потребностью быть рядом.

Пес, за чьей игрой мы наблюдали, был молодым метисом овчарки и лабрадора. Его недавно подарили пожилой паре, ведущей размеренный образ жизни. У них уже была неактивная пожилая сука. Мальчику не с кем было играть — во всяком случае, не со старшей собакой, которая была с ним очень строга и не терпела никаких развлечений. Поэтому бедный мальчишка походил на юнца без друзей, который мается от скуки и вынужденного безделья. Однажды снежной ночью мы увидели его одного на склоне холма возле дома. Пес стоял, быстро водя носом по земле. Какого бы мелкого грызуна он ни преследовал, тот будто вел его по большому кругу и каждый раз возвращался в исходную точку, где пес некоторое время тыкался носом в одно и то же место. По видимому, это была чья-то нора.

Но потом, к моему удивлению, пес снова побежал по кругу и опять ткнулся носом в то же самое место, словно его добыча опять шмыгнула в нору.

Мне это показалось очень странным. Какой грызун станет вылезать из безопасной норы прямо под нос собаки, чтобы водить ее по кругу? И разве пес не схватит его, когда тот вылезет? Пока я ломала голову над этим, неутомимый пес промчался по кругу в третий раз, потом в четвертый, а затем в пятый и в шестой. И каждый раз его поведение было одинаковым. Когда я подошла посмотреть, то обнаружила, естественно, что ни грызуна, ни норы нет. Все это было выдумкой. Этот пес-фантазер только делал вид, что охотится!

Собака, перенявшая человеческие манеры, принадлежит моему мужу. Однажды летом она поразила всех нас, когда мой муж купил себе мороженого. Когда мой муж первый раз надкусил рожок, то заметил, что собака наблюдает за ним. Поэтому он

.....

предложил ей рожок, ожидая, что собака быстро съест его. Но, ко всеобщему удивлению, собака лишь вежливо лизнула его, как это только что сделал мой муж. Муж лизнул мороженое еще раз и снова предложил его собаке, которая тоже слегка лизнула его. Таким образом, по очереди, они съели верхнюю часть мороженого, до самого начала рожка. Потом муж откусил кусочек. Собака наблюдала за ним. Предполагая, что собака съест остальную часть рожка, мой муж передал его, как он подумал, в последний раз. Но, обнажив верхние резцы, собака очень деликатно откусила кусочек. Еще дважды муж с собакой по очереди надкусывали рожок, пока не остался один кончик.

Выглядело это поразительно, но этому есть объяснение. За восемь лет мой муж и его собака построили отношения, основанные на доверии и взаимных обязательствах, не предъявляя друг другу необоснованных требований. Только в такой обстановке, только когда оба участника считают себя равными, могла произойти такая сценка. Только собака, которая думала сама за себя, собака, которой не промыли мозги чрезмерными тренировками, собака, которая руководствовалась своими собственными наблюдениями и соображениями, могла бы представить очень человеческий метод кусать по очереди как форму обмена. В конце концов, когда две собаки делят еду, они едят одновременно, соблюдая личное пространство друг друга для приема пищи. Однако идея кусать по очереди полностью принадлежит человеку. Тем не менее, собака поняла это, *хотя и никогда не видела, как это делается*. Кто съел кончик рожка? Мой муж съел его. Собака позволила ему съесть последний кусочек.

Есть ли у собак мысли и чувства? Конечно, есть. Если бы их не было, то не было бы и собак. При этом, однако, книга о собаках по определению должна быть в некоторой степени антропоцентричной, и это вполне обоснованно, поскольку наша неприязнь к этому ярлыку неуместна. Использование опыта одного вида для оценки опыта другого вида было полезным инструментом для многих великих биологов, описывающих дикую природу. Чем опытнее исследователь, тем полезнее инструмент. Рассмотрим наблюдение Джорджа Шаллера¹ за самкой леопарда и ее сыном: «Временами [два леопарда] пылко терлись друг о друга щеками

¹ George Schaller, *Golden Shadows, Flying Hooves* (New York: Knopf, 1973). С. 196.

и телами, облизывая друг другу морды, явно взволнованные и довольные встречей. Увидев такую нежность, я понял, что эти леопарды просто маскировали свой горячий темперамент и эмоциональную глубину под внешним безразличием».

А вот противоположное наблюдение моего бывшего соседа, ныне покойного, который видел, как птица влетела в стекло его панорамного окна и упала на землю, оглушенная и ошеломленная. Через мгновение спикировала вторая птица, подхватила первую и улетела с ней. В довольно трогательной антропоморфизации психиатр предположил, что вторая птица была самцом, приятелем первой, и он пришел ей на помощь. Однако, поскольку птицы никогда не носят своих любимых и хватают других птиц только для того, чтобы убить их, вторая птица, безусловно, была вовсе не помощником, а хищником, воспользовавшимся бедственным положением первой птицы. Если бы мой сосед был лучше знаком с особенностями мира природы, он, вероятно, не сделал бы такого скоропалительного предположения.

Мы — не единственный вид, который применяет свои ценности и свой опыт при интерпретации поведения других существ. Собаки тоже делают это, иногда ненамного удачнее, чем мой сосед. Когда собака, грызущая кость, рычит на приближающегося человека, она предполагает, что человек хочет отобрать у нее эту кость. Таким образом, она применяет собачьи ценности, или киноморфизует человека. Тем не менее, большинство животных, включая собак, постоянно оценивают другие виды посредством эмпатического наблюдения. Моя собака однажды оценила мое мрачное настроение на расстоянии примерно в сто метров и в ответ изменила свое поведение с веселого на унылое. Я шла к загону, где находилась собака, и когда завернула за угол, она увидела меня. В тот момент мне было очень грустно, но я старалась не демонстрировать это. Однако мой пес сразу увидел, что со мной что-то не так. Он лишь секунду посмотрел на меня с большого расстояния, словно желая удостовериться в своем предположении, а затем, решив, что его первое впечатление было точным, заметно сник. Я была так впечатлена его пронизательностью, что снова повеселела, и он тоже!

Не меньшее впечатление на меня произвела домашняя кошка Лайлак, которую я как-то вечером несла домой, когда по дороге решила заглянуть на соседнее поле, чтобы посмотреть, не забрел ли туда случайно олень. Я, должно быть, немного напряглась, подойдя к полю, и, возможно, шла немного тише, но, как бы то ни

.....

было, Лайлак почувствовала перемену, мгновенно распознала в ней прелюдию к охоте и наклонилась вперед, наострив уши и широко раскрыв глаза, готовая броситься на то, что я могла преследовать.

В качестве еще одного возможного проявления антропоморфизма читатель может заметить в этой книге упоминания об улыбке собаки. Все собаки улыбаются, то есть их лица становятся приятными и расслабленными, уши опускаются, глаза полузакрыты, губы расслаблены и приоткрыты, а подбородок высоко поднят. Это собачья улыбка. Тем не менее, некоторые собаки также подражают человеческим улыбкам и, следовательно, сами антропоморфизируют свои действия.

В присутствии людей эти собаки будут гротескно оттягивать губы, обнажая зубы, стараясь придать своей морде то же выражение, что и у нас. В то же время эти собаки могут также лечь на спину, чтобы подставить брюхо для почесывания, показывая, что они точно понимают, что означают наши улыбки.

И, наконец, антропоморфизм может помочь нам интерпретировать акт демонстрации брюха — акт, символизирующий то, что делают щенки, подчиняясь взрослой собаке. Таким своим действием собаки говорят нам: «Делай с нами что хочешь, ведь мы беспомощные щенки в твоём присутствии». Чтобы понять этот поступок, мы можем провести параллель с человеческим поведением: многие религиозные люди — например, христиане — ведут себя так по отношению к Богу. Ведь мы называем Бога своим Отцом, а себя — Его детьми. Когда мы преклоняем колени для молитвы, мы уменьшаем свой рост, чтобы больше походить на маленьких детей. Наше молитвенное положение с поднятыми глазами предполагает, что мы обнимаем колени Бога и смотрим вверх, как если бы он находился рядом с нами и смотрел прямо вниз, а не так, как если бы он был, скажем, на горизонте. Более того, точно так же, как многие из нас молятся в определенные часы — например, утром или вечером перед сном, — многие собаки совершают свое ритуальное подчинение в определенное время дня. Собака моего мужа, например, предпочитает показывать свое брюхо моему мужу сразу после того, как они оба встают утром. Почему? Никто точно не знает, но без этого ритуала они оба не мыслят себе утро.

Считают ли собаки нас богами? Вероятно, нет. Но точно так же, как мы думаем о непостижимости Божьих путей, собаки